

«РАМКА»

Олесь Бердник
• ЧАША АМРИТЫ •

Роман

Харьков
«Фолно»
2020

ВМЕСТО ПРОЛОГА
МАЙЯ

Машина запрыгала по неровной дороге. Завывая, взбиралась на крутизну. Потом спускалась вниз. Михаил почувствовал, что задыхается, — не хватало воздуха. Душная коробка кузова, набитая пленными, насквозь пропиталась испарениями десятков тел. Ни пошевелиться, ни глотнуть воздуха. Куда их везут? Никто не знает. Надо выдержать, не потерять сознания...

Машина сильно качнулась несколько раз и наконец остановилась. Послышалась резкая команда, злобный собачий лай. Двери широко распахнулись. Волна холодного душистого воздуха плеснула в кузов, ворвалась в увядшие легкие пленных, опьянила.

Михаил хотел встать на ноги. Покачнулся, рухнул головой вниз, сильно ударившись о каменистый грунт. Рядом засмеялись. Потом кто-то закричал:

— Выходи! Быстрее! Шнель! Шнель!

Пленные живо зашевелились, выскакивали из машин осматриваясь. Михаилу помогли встать с земли, кто-то обтер кровь

у его виска. Он облизнул языком засохшие губы, осмотрелся во круг. Горизонт заступили высокие горы, в небо уперлись ледяные вершины.

«Наверное, Альпы», — подумал Михаил.

Пленных окружили охранники в черном, с автоматами наго-тове. У их ног скалили зубы здоровенные псы, нервно постукивая лохматыми хвостами по земле.

К толпе подошли двое немцев, одетые в серую военную фор-му без погон. Они доставали наручники из ящика, сковывали пленных по трою. Двое наручников на троих солдат. Михаил Са-гайдак был в первой тройке, крайний слева. К его правой руке приковали британского солдата в бледно-зеленой изодранной форме. Михаил искоса взглянул на него, удивился. На голове пленного была зеленая чалма, строгое бронзовое лицо окайм-ляла черная бородка. Не иначе как из колониального корпуса. Наверное, индус. А третий справа — американец. По отличиям видно — летчик.

К колонне приблизился офицер-эсэсовец. Заложив руки за спину, внимательно, деловито рассматривал солдат. Все — от голо-вы до ног. Михаил не опустил взгляда. Ощутил в сердце гневную, бешеную волну. Почему, почему он здесь, рядом с этими ребятами? По какому праву этот изверг с гадючьими глазами осматривает их, как овец на рынке?

Офицер прошел дальше. Индус глянул на Михаила, мягко улыбнулся, словно понял состояние товарища. Американец за-смотрелся на горные вершины, нахмурил густые черные брови.

Послышалась протяжная команда. Залаяли псы. Колонна тро-нулась по горной дороге над глубокой пропастью, где бесился зе-леноватый пенистый поток. Из-за высоких заборов выглядывали любопытные лица, где-то пели петухи. Солнце поднялось в небе высоко, с гор лилось благоухание хвои.

Индус глубоко вздохнул, обернувшись к Михаилу, тихо спро-сил на английском языке:

— Вы не знаете, где мы? Замечательные места. Будто в Гималаях...

Михаил в уме составил фразу для ответа (английский язык он понимал неплохо, но разговаривать как следует не научился), прошептал:

— Точно не знаю. То ли на юге Германии, то ли в Австрии...

— Австрия, — хрипло сказал за спиной сосед-пленный. — Это Австрия. Я знаю...

— Спасибо, — сказал, не оборачиваясь, Михаил. — Я тоже так думал. Только зачем нас привезли сюда — не пойму...

— Вы ненаблюдательны, — улыбнулся индус.

— Почему?

— Нас привезли для тяжелой работы. Посмотрите — все пленные крепкие, сильные. Ни одного больного или слабого. Ясно, что не на казнь...

— Вы правы, — с облегчением сказал Михаил. — Тем лучше. Есть хоть какая-то надежда...

— Обождите месяц-другой, — тихо отозвался пленный за спиной. — Немцы — мастера убивать надежду...

Пленные с охраной прошли по узкому мостику, переброшенному через ущелье, приблизились к воротам небольшого лагеря. За колючей проволокой были видны ряды низких серых барачков, по бокам возвышались четыре башни с охраной, на длинных поводках бегали возле ограды, грызя цепи, злые псы. Увидев пленных, они, давясь и захлебываясь, стали рваться с привязи.

Распахнутые ворота — словно злоецающая пасть, заглатывающая пленных ряд за рядом.

Офицеры оживленно переговаривались. Сагайдак разобрал несколько немецких фраз:

— Хорошая скотина...

— Спасибо шефу... Работа срочная, а старые клячи подошли.

— Понял? — едва шевельнув губами, спросил индус.

Михаил кивнул. Американец промолчал. Только глаза его стали холодные, ледяные. Тем временем конвойные подошли к пленным, начали снимать наручники. Михаил облегченно вздохнул, растер багровые полосы на руке.

Пленных выстроили в две шеренги. Один из офицеров — высокий, худой, с равнодушным холодным взглядом — выступил вперед, заговорил. Двое переводчиков повторили его обращение на английском, русском, польском и на французском языках.

— Пленные солдаты, — сказал офицер. — Я майор фон Гирен, комендант этого лагеря. Каждое мое слово — закон для вас. Ослушание — смерть. Жизнь и волю по окончании войны вы можете заслужить лишь преданной работой на благо великого рейха и нашего фюрера. В каждом бараке есть старосты. Все остальное объяснят они. Я закончил!

Сагайдак с четырьмя первыми тройками пленных попал в седьмой барак. Старостой там был приземистый коренастый украинец с хитрыми веселыми глазками. Он назвался Григорием Бояком, очень обрадовался, услышав родной язык из уст Михаила, выделил ему, индусу и американцу места возле окна, на верхних нарах.

Американец сразу же полез туда, растянулся во весь свой богатырский рост, захрустел суставами. Староста взглянул на него, покачал головой.

— Привык, наверное, союзничек отлеживаться. Здесь не отлежишься. Ранехонько — карьер, весь день, как в аду. Люди мрут, как мухи. Привозят верзил, а вывозят в рогоже. Вот так, земляк. Ну да не грусти, ложись отдыхать. Скоро баланду на ужин принесут.

Он подошел поближе к Михаилу, прошептал с надеждой:

— Ну, что там слышно?

— Где?

— У нас. Ты когда попался? Давно?

— Весной. Месяца полтора назад. На Кавказе...

— Господи, — застонал Бояк, — куда немчура добралась. И что же ей — сладу не будет? Конец нам?

— Начало, — спокойно сказал индус, вдевая в иглу нить. Сняв рубашку, он начал ее латать. Не поднимая глаз, строго повторил: — Начало...

— А ты кто? — удивился Бояк. — И не наш. И не из союзников. Таких еще не видал.

— Индия, — сказал Свами.

— Издалека, — вздохнул Бояк. — А откуда же знаешь, как и что? Просто — успокаиваешь?

— Нет. Я хорошо знаю историю...

— Если бы, — прошептал, оглядываясь, Бояк. — Если бы ты правду говорил, странный ты мужик! Твоими устами Бог говорит!..

— Может, и так, — кротко ответил индус, перекусывая нить. — Все мы дети его...

— Так ты верующий?

— Все верующие, — улыбнулся индус. — Нет неверующих. Одни веруют в Бога, другие в сатану, третьи в жестокую силу, еще кто-то — в человека, в его любовь...

— Правду говоришь, — почесал затылок Бояк. — Мудрый ты, хоть и молод еще. А откуда по-нашему научился?

— Изучал. Я около двадцати языков знаю...

— О-о-о! — с уважением сказал староста. — Головастый. Ну, устраивайтесь. Сейчас принесем матрасы, опосля — ужин. И спать! Потому как завтра на каторгу...

Староста топтал куда-то вдоль барака. Возле нар суетились пленные, растилали матрасы. Плыл разноязыкий гул. Кто-то, изнуренный трудной дорогой, сразу падал на постель и засыпал. Индус коснулся пальцами плеча Михаила, сказал по-дружески:

— Познакомимся, брат?

— Охотно... Меня зовут Михаил Сагайдак. А вы?

— Гарри Фицджеральд Соун, — неожиданно отозвался с нар американец.

— Свами Ришидева, — сказал индус. — Индия...

СОДЕРЖАНИЕ

Невероятные миры Олеся Бердника. <i>Дмитрий Харитонов</i>	3
Вместо пролога	
МАЙЯ	9
Слово первое	
ПАУТИНА	81
Слово второе	
КУДА ИДЕТ ЧЕЛОВЕК?	121
Слово третье	
ОНА	137
Слово четвертое	
ПРИЗРАК	166
Слово пятое	
СВАДЬБА	198
Слово шестое	
ЧАША АМРИТЫ	232
Слово седьмое	
САМАДХИ	268